

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

УДК 343.13

DOI 10.17223/23088451/14/9

А.Б. Диваев

ПРЕДМЕТ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Рассматривается предмет уголовно-процессуального регулирования. Аргументируется вывод, что им является совокупность общественных отношений, регламентированных нормами уголовно-процессуального права, что в полной мере соответствует традиционному для теории права пониманию предмета правового отраслевого регулирования. В работе также разграничены понятия «уголовный процесс», «уголовно-процессуальное право» и «производство по уголовному делу»

Ключевые слова: *уголовный процесс, уголовно-процессуальное право, производство по уголовному делу, уголовно-процессуальные отношения.*

В классическом понимании уголовно-процессуальное право – это отрасль права, характеризующаяся своим предметом и методом правового регулирования. Согласно тем же теоретическим положениям предмет отраслевого правового регулирования – некие общественные отношения определенной сферы, упорядочивающее воздействие на которые оказывают нормы данной отрасли. Учитывая это, напрашивается вывод: предмет уголовно-процессуального регулирования, т.е. содержание уголовного процесса, также должен составлять общественные отношения. Но как раз он для уголовно-процессуальной науки не очевиден.

Так, в спектре научных взглядов на предмет уголовно-процессуального регулирования присутствует мнение о том, что уголовного процесса «вообще» не существует. В «реальности... уголовный процесс имеет место лишь по конкретному уголовному делу, по которому осуществляется конкретная уголовно-процессуальная деятельность» [1, с. 161]. Сообразно этой точке зрения и уголовно-процессуальное право рассматривается как средство регулирования не общественных отношений, а уголовно-процессуальной деятельности, осуществляемой в ходе производства по конкретному уголовному делу.

Несмотря на то, что эта позиция высказана в современной науке, по сути, она представляет собой обновленный вариант подхода к пониманию уголовного процесса, распространенного еще в дореволюционный период [2, с. 6].

Широко он был представлен и в советской науке. Так, один из ярчайших его сторонников М.А. Чельцов прямо писал: «Советский уголовный процесс есть направляемая законом деятельность органов прокуратуры, следствия и суда по раскрытию преступления, изобличению преступника, разбирательству дела об обвиняемом со всеми гарантиями его защиты и применению к нему, в случае признания его виновным, справедливого наказания в целях, установленных социалистическим уголовным правом» [3, с. 10]. При этом автор данной цитаты вовсе не отрицал существования уголовно-процессуальных отношений, однако считал их производными от уголовно-процессуальной деятельности [Там же, с. 11].

Несмотря на стилистические и терминологические различия, каждый из сторонников мнения о том, что предметом уголовно-процессуального права является деятельность, а не отношения, основывает свою позицию на едином методологическом постулате о первичности деятельности по отношению к общественным отношениям. И если его принять за истину, тогда действительно уголовного процесса «вообще» нет. «Вообще» существует только уголовно-процессуальное право как некая формализованная, установленная государством система нормативов, которую вполне можно отождествить с уголовным процессом. Уголовный процесс здесь «живет» только в нормах права. Что же есть в реальности? Уголовно-процессуальная деятельность, которую осуществляют соответствующие субъекты, посредством чего между ними возникают некие отношения, называемые в силу их производного от уголовно-процессуальной деятельности характером уголовно-процессуальными отношениями.

Уголовно-процессуальная деятельность при этом не может осуществляться сама по себе. Для сторонников данной концепции вполне очевидно, что она происходит в ходе производства по уголовному делу, что хотя и несколько неполно отражает действительность, однако вполне логично. Будучи специальным видом правовой деятельности, регламентированной нормами уголовно-процессуального права, уголовно-процессуальная деятельность не может рассматриваться как повседневная человеческая деятельность. Ее участниками являются исключительно субъекты уголовно-процессуального права – носители соответствующих прав и обязанностей, реализация которых возможна только в рамках деятельности по применению нормы уголовного права, т.е. в ходе производства по уголовному делу.

Казалось бы, представленная точка зрения методологически безупречна. Схема взаимодействия между людьми по принципу «деятельность–отношение» вполне привычна. В обычном понимании она выглядит так. Если у индивида возникает какая-то потребность, формирующая интерес, который может быть удовлетворен другим субъектом, он обращается к нему, т.е. осуществляет деятельность. Действуя, направляя свои устремления к противоположному субъекту, заинтере-

сованный индивид устанавливает отношение – связь по поводу удовлетворения взаимных интересов. А раз этой связи не было до осуществления соответствующей деятельности, то именно она и стала причиной появления отношения.

Такая схема развития отношений между людьми вполне жизнеспособна. Однако, и это не учитывается сторонниками первичности уголовно-процессуальной деятельности перед уголовно-процессуальными отношениями, она демонстрирует закономерности развития *личных*, но не *общественных* отношений. В личных отношениях, где субъектами являются конкретные индивиды, действующие «сами по себе», не реализуя каких-либо социальных ролей, все происходит именно так. Однако уголовно-процессуальные отношения при всем желании вряд ли можно отнести к личным отношениям. Но тогда уместен вопрос: на каком основании закономерности возникновения и развития личных отношений распространяются на общественные по своей природе уголовно-процессуальные отношения? Закономерности развития общественных отношений абсолютно не соответствуют последовательности «деятельность–отношения».

В современном понимании в качестве общественных отношений принято рассматривать «относительно устойчивые связи между социальными группами, народами, государствами и другими объединениями людей, возникающие в производственно-экономической, социально-политической сферах человеческой деятельности, различных видах культуры и определяющие специфику данного конкретного общества, его качественные характеристики, его социальную структуру» [4, с. 389].

За столь громоздким философским определением общественных отношений одновременно кроется и очень глубокий смысл. В частности, из него следует, что общественные и личные отношения – это совершенно разные по модели развития отношения. Общественное отношение только внешне выглядят как отношение двух (или более) конкретных индивидов. На самом деле личность здесь не важна. Носителями общественных отношений являются не конкретные люди, а социальные группы, и с этой точки зрения эти отношения всегда объективны. Общественные отношения – отражение структуры общества, своего рода «сетка» связей, сложившихся вместе с развитием общества между субъектами, исполняющими те или иные социальные роли. Может меняться индивидуальный состав таких связей, однако определяющую роль здесь играет не личность субъекта этих отношений, а его социальная роль. Конкретный человек, желая реализовать свои или общественно значимые цели, как бы встраивается в эту «сетку», лично, по своей воле начиная выполнять соответствующую социальную роль, либо вовлекается в нее волей иного лица, имеющего возможность «включить» его в эти отношения [4, с. 389]. Общественные отношения оттого и носят такое название, что являются производными от общества, отражают степень сложности его устройства. Чем сложнее общественная структура, тем большее количество социальных ролей его характеризует и тем большее количество общественных связей возможно в таком обществе.

Объективность, «обезличенность» – очень важное свойство общественного отношения. Этим оно отличается от личного отношения, т.е. отношения, складывающегося между конкретными индивидами – личностями, выступающими в этих отношениях лично, а не в качестве представителя социальной группы. Эти отношения всегда индивидуальны, нетипичны, а поэтому не могут быть подвергнуты правовому нормативному (т.е. типичному) регулированию. Именно в этом кроется причина того, почему одни отношения «поддаются» регулированию, а другие – нет.

Соответственно, в отличие от личных, где деятельность – причина возникновения отношений, в общественных отношениях все происходит с «точностью до наоборот»: в их соотношении с деятельностью именно они должны рассматриваться в качестве первичного элемента. Деятельность здесь представляет собой лишь то, посредством чего конкретный индивид как представитель социальной группы (носитель социальной роли) может стать участником уже существующих отношений. Она производна от них. Деятельность здесь осуществляется постольку, поскольку соответствующий субъект желает или получает возможность стать участником общественных отношений, «встроиться» в их систему. При этом, став участником общественных отношений, он становится обязанным «играть» по уже существующим правилам, которыми в случае уголовно-процессуальных отношений являются нормы уголовно-процессуального права, регулирующие эти отношения. Таким образом, уголовно-процессуальное право если и регулирует уголовно-процессуальную деятельность, то опосредованно, через общественные уголовно-процессуальные отношения, но никак не в обратной последовательности.

Именно с этих позиций, по нашему мнению, следует рассматривать вопрос о том, чем же на самом деле является производство по уголовному делу. Оно как раз и есть та деятельность, осуществляя которую соответствующие субъекты «играют» определенные социальные роли, являющиеся в силу их правовой регламентации процессуальными статусами и, «встраиваясь» в систему уголовно-процессуальных отношений, реализуют соответствующие их статусам права и обязанности. Производство по уголовному делу – это «сумма деятельностей» всех его участников, правовая регламентация деятельности каждого из которых происходит посредством правового регулирования уголовно-процессуальных отношений, субъектами которых они становятся.

Сообразно сказанному, предмет уголовно-процессуального регулирования необходимо рассматривать как совокупность общественных отношений, регламентированных нормами уголовно-процессуального права. Именно такое его понимание представляется наиболее убедительным.

Нельзя сказать, что в теории уголовного процесса не задавались вопросом о месте общественных отношений в предмете уголовно-процессуального регулирования. Еще в советский период ее развития было высказано мнение о том, что общественные отношения необходимо выделять в его структуре наряду с деятельностью [5, с. 36; 6, с. 22–28 и др.].

Более определенно по этому поводу высказывался В.П. Божьев, по мнению которого предмет уголовно-процессуального регулирования составляют исключительно общественные отношения. Он писал: «Уголовно-процессуальные отношения, возникающие в процессе возбуждения, расследования и судебного рассмотрения уголовных дел, весьма разнообразны как по характеру, так и по субъективному составу. Тем не менее все эти разнообразные отношения образуют единый предмет правового регулирования...» [7, с. 8].

В настоящее время взгляд на предмет уголовно-процессуального регулирования как совокупность общественных отношений разделяют такие авторы, как А.С. Бахта [8], А.Д. Прошляков [9, с. 13].

При этом мы придерживаемся мнения, что уголовно-процессуальные отношения уже в силу своей природы являются правоотношениями, т.е. отношениями, регламентированными нормами права. Это, если так можно выразиться, «самые правовые» из всех отношений, так как они не могут существовать иначе как в виде правоотношений. Данная точка зрения получила достаточное теоретическое обоснование, поэтому мы не будем останавливаться на ее подробной аргументации, ограничившись лишь интересующими нас ее следствиями.

Учитывая, что уголовно-процессуальные отношения – это «природные» правоотношения, сразу обозначим главное: они жестко детерминированы уголовно-процессуальным правом. Ни одно общественное отношение вне процессуальной регламентации не является уголовно-процессуальным.

Конечно, это не означает, что уголовно-процессуальные отношения обязательно появляются как следствие закрепления уголовно-процессуальной нормы, хотя вполне может быть и так. Само по себе общественное отношение, объективно нуждающееся в уголовно-процессуальной регламентации, может сформироваться и вне ее. Факт появления такой общественной связи вовсе не говорит о том, что образовалось уголовно-процессуальное отношение. Уголовно-процессуальным оно станет только после его регулирования нормой уголовно-процессуального права.

Примеров тому в истории развития уголовного процесса множество. Взять хотя бы проверку заявлений и сообщений о преступлениях. До недавних пор эти отношения лишь фрагментарно регламентировались уголовно-процессуальным законом, в связи с чем очень ограниченный их круг можно было бы с полным основанием назвать уголовно-процессуальными. При этом совокупность общественных отношений, входящих в круг отношений по проверке сообщения о преступлении, но не урегулированных уголовно-процессуальным правом, была и остается весьма обширной.

Например, в ходе проверки заявлений и сообщений о преступлении достаточно распространены отношения по поводу получения устных объяснений о случившемся. Никакой их процессуальной регламентации до последнего времени не было, а поэтому сотрудники правоохранительных органов (не только следователи и дознаватели, но и сотрудники оперативных подразделений), получая объяснения об обстоятельствах слу-

чившегося, «по инерции» старались максимально приблизить порядок получения объяснений к регламентированному законом порядку допроса. В частности, это касалось порядка установления личности дающего объяснения, исполнения «требований» о предупреждении его «об ответственности за отказ от дачи показаний и дачу заведомо ложных показаний», порядка составления «протокола» получения объяснений, хотя такого документа законом не предусмотрено, и др. Со временем в органах внутренних дел даже появилась разработанная для внутреннего пользования форма такого «протокола».

Очевидно, что отношения по поводу получения устных объяснений о проверяемом событии возникли и существовали длительное время вне процессуальной регламентации. Их развитие по правилам допроса – это не более чем проявление привычной для правоохранителя формы поведения, а не какой-то «особой уголовно-процессуальной природы» этих отношений. По сути, сотрудники правоохранительных органов, преодолевая в данном случае пробел законодательства, действовали по аналогии закона. При этом, учитывая, что «пробел в уголовно-процессуальном праве есть полное или частичное отсутствие в уголовно-процессуальном законодательстве нормативных установлений, обусловленных потребностями развития уголовного процесса или реализации действующих нормативных предписаний в практике уголовного судопроизводства, а также неопределенность уголовно-процессуальных норм, которая затрудняет их применение» [10, с. 139], можно констатировать, что такое поведение правоприменителя является самым явным индикатором того, что данная группа общественных отношений нуждалась в процессуальной регламентации. Что и произошло после введения в УПК РФ ч. 1² ст. 144, согласно которой полученные в ходе проверки сообщения о преступлении сведения могут быть использованы в качестве доказательств при условии соблюдения положений ст.ст. 75 и 89 УПК РФ, т.е. условий их допустимости. Проще говоря, законодатель прямо указал, что объяснения могут быть получены в порядке производства допроса, и если следователь или дознаватель избрал такой способ их получения, они вступают не просто в общественные, а в уголовно-процессуальные отношения.

При этом необходимо обратить внимание на то, что для приобретения общественными отношениями статуса уголовно-процессуальных норма, направленная на их регламентацию, не обязательно должна быть выражена в положениях УПК РФ. Безусловно, этот нормативно-правовой акт представляет собой «становой хребет» системы источников уголовно-процессуального права. Однако нельзя забывать и о том, что уголовно-процессуальные нормы вполне могут содержаться и в Конституции РФ, федеральных конституционных и обычных законах, а учитывая современные реалии, еще и в решениях Конституционного Суда РФ, в частности его постановлениях, выражающих позицию Суда по вопросу конституционности тех или иных положений российского законодательства, а равно его соответствия международным нормам, признанным нашим государством.

В связи с этим в науке было высказано мнение о том, что предмет уголовно-процессуального регулирования не ограничивается исключительно отношениями, регламентированными уголовно-процессуальным правом. Такое видение содержания уголовного процесса было представлено в свое время известным процессуалистом В.Г. Даевым. Он писал: «В теории советского уголовного процесса широко распространено мнение, что общественные отношения, складывающиеся в сфере уголовного судопроизводства, существуют не иначе как в форме правоотношений... Это мнение справедливо для большинства указанных отношений... Однако это не означает отсутствия в сфере уголовного судопроизводства, как и в сфере правоприменительного процесса в целом, общественных отношений, не урегулированных правом, в силу ненужности или невозможности такого регулирования» [11, с. 11]. В качестве примера таких «уголовно-процессуальных» отношений В.Г. Даев приводил некие нравственные (например, те же брачно-семейные) отношения, связанные с судопроизводством, тактические, технические, методические аспекты расследования и др.

Как видим, автор к числу уголовно-процессуальных отношений отнес, по сути, любые общественные отношения, причем безотносительно того, регламентируются они вообще правом или нет. Для признания такого отношения уголовно-процессуальным достаточно лишь одного – чтобы оно так или иначе было «связано» с производством по уголовному делу. Причем характер этой связи автором не раскрывается. Что это за связь? Что она опосредует – событие преступления, личность обвиняемого, какое-либо процессуальное действие или решение? Непонятно.

Непонятна также позиция В.Г. Даева относительно того, могут ли считаться уголовно-процессуальными отношения, уже урегулированные нормами иных отраслей права, однако связанные с производством по уголовному делу. Допустим, те же оперативно-розыскные отношения, т.е. отношения, регламентированные нормами оперативно-розыскного законодательства. Не секрет, что оперативно-розыскная деятельность практически всегда сопутствует уголовно-процессуальной и, безусловно, связана с ней. Этот вывод следует хотя бы из положений ст. 3 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», к задачам которой отнесены в том числе: выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений, а также выявление и установление лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших; осуществление розыска лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда, уклоняющихся от уголовного наказания, а также розыска без вести пропавших; установление имущества, подлежащего конфискации. Связь этих задач оперативно-розыскной деятельности с производством по уголовному делу, думается, очевидна.

Так являются ли оперативно-розыскные отношения уголовно-процессуальными, а оперативно-розыскная деятельность, как следствие этого, – уголовно-процессуальной деятельностью? Несмотря на весьма парадоксальное звучание, в контексте рассмотренной позиции относительно уголовно-процессуальных отношений

этот вопрос вполне уместен. Действительно, если общественные отношения, вовсе не урегулированные правом, могут считаться уголовно-процессуальными по причине их связи с производством по уголовному делу, то почему в этой «способности» должно быть отказано общественным отношениям, уже регламентированным иными нормами права? Тем более что с фактической стороны общественное отношение и правоотношение ничем не отличаются. Их отличие находится исключительно в формальной плоскости, которой В.Г. Даев и сторонники «широкой» трактовки уголовно-процессуальных отношений как раз и не придают значения. Если следовать логике автора, то любое «непроцессуальное» правоотношение должно быть способным стать «уголовно-процессуальным» в результате того, что оно каким-то образом «связывается» с производством по уголовному делу, несмотря на то что оно регламентировано нормами иных отраслей права.

По нашему мнению, такой подход вряд ли отражает истинное положение вещей. Он полностью обесценивает главное качество уголовно-процессуальных отношений, отличающее их от любых других отношений – урегулированность нормами уголовно-процессуального права. А это автоматически нивелирует как отраслевые границы уголовно-процессуального права, так и саму грань, отделяющую правовое от неправового. По сути, в таком варианте разрушается система отрасли уголовно-процессуального права, происходит отказ от нее. Взамен же предлагается нечто с не очень внятными системными признаками – совокупность самых разнообразных по своему субъектному составу и содержанию общественных отношений, которые предлагается считать уголовно-процессуальными не по формальному – урегулированность нормами соответствующей отрасли права, а по умозрительному критерию, позволяющему считать то или иное отношение связанным с производством по делу или не связанным с ним.

Наконец, мы категорически против включения в сферу уголовно-процессуальных отношений неких «технических вопросов» производства по уголовному делу, что также отнесено В.Г. Даевым к ней. «По общему правилу, законодатель не считает нужным регулировать вопросы тактики, методики и техники расследования, хотя с этими вопросами, несомненно, связаны определенные отношения людей, участвующих в расследовании», – писал он [Там же].

Во-первых, сомнительно, что, говоря о технических аспектах производства по уголовному делу, вообще есть возможность говорить о каких-либо общественных отношениях. В данном случае речь может идти об отношениях людей, возникших *по поводу* применения каких-либо технических средств в ходе производства по уголовному делу, но ни в коем случае не о самой технологии осуществления тех или иных мероприятий с использованием технических приспособлений. Однако эти отношения вполне урегулированы нормами уголовно-процессуального права. Так, если следователю или суду для проведения того или иного мероприятия необходимо использование технических средств, согласно ст. 58 УПК РФ он вправе привлечь к участию в производстве данного действия специалиста, вступив

тем самым с ним в отношении, регламентированное рядом норм уголовно-процессуального закона (ст.ст. 58, ч. 5, 6 ст. 164, ст.ст. 168, 251 и другие статьи УПК РФ), т.е. в уголовно-процессуальное отношение.

Во-вторых, что вполне естественно, уголовно-процессуальное право не может содержать в себе технических регламентов, нормативов, правил обращения с техническими средствами, равно как не имеет какого-либо воздействия на физические и химические процессы, лежащие в основе их применения. Да и отношениями все это не является. Что это за отношения? По сути, здесь мы имеем одностороннюю деятельность человека в отношении объектов материального мира, связь так называемого субъект-объектного типа. Правовой же регламентации в сфере уголовно-процессуальных отношений могут быть подвергнуты исключительно отношения субъект-субъектного характера, в которых одному лицу противостоит другое лицо, каждое из которых наделено взаимными правами и обязанностями.

Насколько неверно бесконечное расширение сферы уголовно-процессуальных отношений, настолько же не отвечает действительности и необоснованное сужение предмета уголовно-процессуального регулирования.

Предмет уголовно-процессуального регулирования нельзя ограничивать отношениями, складывающимися исключительно в ходе производства по уголовному делу, как на то указывают некоторые авторы [1, с. 161]. Это прямо следует из сказанного нами выше. Спора нет, производство по уголовному делу и отношения, составляющие его содержание, – это «сердцевина» предмета уголовно-процессуального регулирования. Именно эти отношения регламентированы нормами уголовно-процессуального права наиболее детально, что видно «невооруженным глазом».

Между тем исключение из предмета уголовно-процессуального регулирования отношений, предшествующих производству по уголовному делу, складывающихся при разрешении вопроса о возбуждении уголовного дела, а также отношений, связанных с исполнением приговора, и ряда иных сопутствующих

производству по уголовному делу отношений нельзя признать обоснованным. Можно оспаривать необходимость процессуальной регламентации этих отношений в принципе, однако пока нормы уголовно-процессуального права регулируют их, уголовно-процессуальная природа этих отношений представляется неоспоримой. Здесь следует согласиться с высказанной В.В. Николюком критикой содержания легального определения категории «уголовное судопроизводство», предложенного законодателем в п. 55 ст. 5 УПК РФ. По мнению исследователя, закрепленное в этой норме «...понятие уголовного судопроизводства как досудебного и судебного производства по уголовному делу подчеркивает его центральное, основное место в структуре уголовного процесса, однако выводит “в тень” регулируемую УПК РФ деятельность вне уголовного дела (проверка сообщения о преступлении, производство по вопросам исполнения приговора, возмещения вреда реабилитированному, выдача лица для исполнения приговора, передача осужденного для отбывания наказания, судебная проверка жалоб по правилам ст. 125 УПК РФ). Фактический объем этой части уголовного процесса сравним с уголовно-процессуальной деятельностью по уголовным делам, и уже поэтому приведенный пункт... не выдерживает критики в силу своей существенной неточности» [11, с. 266].

Итак, уголовно-процессуальное право и общественные отношения в сфере возбуждения, расследования, рассмотрения, разрешения уголовных дел и исполнения приговора – это явно нетождественные категории. В представленной конструкции они соотносятся как средство правового регулирования и его предмет. Общественные отношения становятся уголовно-процессуальными отношениями, образуя социальную сущность, которую называют уголовным процессом, исключительно в силу их регламентации нормами уголовно-процессуального права. С определенными оговорками эти традиционные положения вполне отражают сущность уголовного процесса и природу уголовно-процессуального права.

ЛИТЕРАТУРА

1. Макарова З.В. Цель, средства, результат уголовно-процессуальной деятельности // Уголовно-процессуальные и криминалистические средства обеспечения эффективности уголовного судопроизводства : материалы междунар. науч.-практ. конф. Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2014. С. 160–166.
2. Духовский М.В. Русский уголовный процесс. М. : Тип. А.П. Поплавского, 1902. 492 с.
3. Чельцов М.А. Уголовный процесс. М. : Юрид. изд-во М-ва юстиции СССР, 1948. 624 с.
4. *Философский словарь* / под ред. И.Т. Фролова. 7-е изд., перераб. и доп. М. : Республика, 2001. 720 с.
5. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. М. : Наука, 1968. Т. 1. 472 с.
6. Элькин Л.С. Сущность советского уголовно-процессуального права. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1963. 172 с.
7. Божьев В.П. Уголовно-процессуальные отношения. М. : Юрид. лит., 1975. 176 с.
8. Бахта А.С. Механизм уголовно-процессуального регулирования : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011. 49 с.
9. *Уголовный процесс* : учебник / под ред. А.Д. Прошлякова, В.С. Балакшина, Ю.В. Козубенко. М. : Волтерс Клувер, 2011. 1056 с.
10. Подлесных С.Н. Пробелы в уголовно-процессуальном праве. М. : Юрлитинформ, 2013. 184 с.
11. Николюк В.В. Российский уголовный процесс как комплекс дифференцированных основных и особых производств // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях : сб. материалов XXII Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 2017. Т. 1. С. 266–273.

Subject of Criminal Procedure

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2019, no. 14, pp. 39–44. DOI 10.17223/23088451/14/9

Aleksandr B. Divaev, Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Novokuznetsk, Russian Federation). E-mail: divalex09@mail.ru

Keywords: criminal procedure, criminal procedure law, criminal proceedings, criminal procedure relations.

The theory of law traditionally understands the subject of sectoral legal regulation as a certain set of social relations regulated by the norms of this branch of law. Rare exceptions include criminal procedure that interprets the subject of criminal procedure regulation as the activity carried out by participants in criminal proceedings during specific criminal case proceedings. The relations arising out of it are secondary and derived from criminal procedural activity. This interpretation of the subject of criminal procedure regulation does not reflect its specificity, but results from misunderstanding of the nature of social relations and its identification with the nature of personal relations. The system of public relations is objective, with each participant only integrating into it through activity, without generating relations. Accordingly, the branch of law regulates relations rather than activity.

References

1. Makarova, Z.V. (2014) [Purpose, means, result of criminal procedural activities]. *Ugolovno-protsessual'nye i kriminalisticheskie sredstva obespecheniya effektivnosti ugolovnogo sudoproizvodstva* [Criminal procedural and criminalistic means of ensuring the effectiveness of criminal proceedings]. Proc. of the International Conference. Irkutsk: BSUEL. pp. 160–166. (In Russian).
2. Dukhovskiy, M.V. (1902) *Russkiy ugolovnyy protsess* [Russian Criminal Process]. Moscow: A.P. Poplavskiy.
3. Cheltsov, M.A. (1948) *Ugolovnyy protsess* [Criminal Process]. Moscow: The USSR Ministry of Justice.
4. Frolov, I.T. (2001) *Filosofskiy slovar* [Philosophical Dictionary]. 7th ed. Moscow: Respublika.
5. Strogovich, M.S. (1968) *Kurs sovetskogo ugolovnogo protsessa* [The Soviet Criminal Process]. Vol. 1. Moscow: Nauka.
6. Elkind, P.S. (1963) *Sushchnost' sovetskogo ugolovno-protsessual'nogo prava* [The essence of Soviet criminal procedure law]. Leningrad: Leningrad State University.
7. Bozhiev, V.P. (1975) *Ugolovno-protsessual'nye otnosheniya* [Criminal procedure relations]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
8. Bakhta, A.S. (2011) *Mekhanizm ugolovno-protsessual'nogo regulirovaniya* [The mechanism of criminal procedure regulation]. Abstract of Law Dr. Diss. Moscow.
9. Proshlyakov, A.D., Balakshin, V.S. & Kozubenko, Yu.V. (eds) (2011) *Ugolovnyy protsess* [Criminal Process]. Moscow: Wolters Kluwer.
10. Podlesnykh, S.N. (2013) *Probely v ugolovno-protsessual'nom prave* [Gaps in Criminal Procedure Law]. Moscow: Yurlitinform.
11. Nikolyuk, V.V. (2017) Rossiyskiy ugolovnyy protsess kak kompleks differentsirovannykh osnovnykh i osobykh proizvodstv [The Russian criminal process as a complex of differentiated primary and special proceedings]. In: Karnovich, S.A. & Kapustyuk, P.A. (eds) *Deyatel'nost' pravookhranitel'nykh organov v sovremennykh usloviyakh* [Law Enforcement Bodies in Modern Conditions]. Vol.1 Irkutsk: East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. pp. 266–273.